

П И О Н Е Р

П И О Н Е Р

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Пролетарши всех стран, соединяйтесь!

№ 12

Декабрь 1945
Издательство „Правда“

На родине Сергея Мироновича Кирова, в маленьком северном городке Уржуме, зима в самом разгаре. Но ни снег, ни мороз не страшны уржумским ребятам. Чуть свободный часок — лыжи на плечи, как винтовку, и в поле — запастись бодростью, здоровьем, чтобы с новыми силами сесть за учёбу.

МАЛЕНЬКАЯ АНО ЖИВЕТ В ТУНДРЕ

Анна Добринская

Рис. Ю. Кискачи

Как сильно дует сегодня ветер!

Маленькая Ано сидит на корточках около железной печки и печёт мясо. Это очень просто: стоит только положить кусочек сырого мяса на горячее железо, и скоро мясо станет вкусным, особенно если Ано не забудет посолить его.

Около печки ей тепло. Пётр, её старший брат, нарубил много ивняка и берёзок, и сегодня весь день будет ярко гореть огонь.

Ано ест кусочек мяса, ласково жмурится на старшую сестру, Анисью, которая варит обед и почему-то сердито гремит кастрюльками.

— Зачем ты сердитая? — спрашивает Ано.

— Я совсем не сердитая, только не приставай ко мне.

— Почему не приставать?

— Почему, почему! Потому что сейчас придут мужчины, а у меня обед не готов.

— Хочешь, я принесу дров?

— Принеси.

Хворост лежит совсем близко от чума, но Ано захотелось взбежать на горушку, посмотреть в сторону реки: не едет ли отец? Он с утра уехал ловить рыбу, и Ано очень ждёт его приезда.

Как будто лает собака?

Ано прислушивается. В тундре каждый звук разносится далеко, далеко. Ошибиться трудно. Голос их рыжего Нацу она узнает среди десятка других собак.

Как стрела, полетела быстрая Ано к хворосту, схватила охапку, ворвалась в чум, бросила хворост около печурки, накинула на себя малицу и, не отвечая на вопрос Анисьи, выскочила снова наружу.

Ей хотелось первой увидеть оленей, отца, рыбу.

Ано прислушалась. Ничего не слышно. Ано глядит. Никого. Только тундра — синяя и страшная там, вдали, и такая знакомая, родная, зелёная здесь, около чума. Вот берёзка-карлик, она едва доходит Ано до пояса, а Ано шесть лет. На берёзке

маленькие листики, как ноготок на пальце. Вот болотная лужица, тоже знакомая. Таких луж в тундре великое множество. Анисья берёт из них воду в чайник, когда чум ставят далеко от реки.

Ано ничего не знает, кроме тундры. Она родилась в тундре. Доверчиво смотрит она вокруг. Слова бежит на горушку. Никого нет. Но это только так кажется: олени скрылись за тем ивняком, у ручья. Ано подождёт. Она будет пока собирать большие ягоды голубики, которыми усыпана вся земля. Ягоды внутри тёмнокрасные, как кровь оленя, и полозья у нарт тоже красные, как кровью вымазаны, потому что, когда едешь на нартах по голубому ковру из ягод, раздавленные ягоды пачкают их своим соком.

Ано присела на корточки, протянула руку, рвёт ягоды и кладёт в рот. И вдруг с громким лаем влетает на горку Нацу.

— Приехали!

Ано бежит навстречу и сразбегу бросается на мягкий тюк на нарте отца:

— Рыба, рыба!

Вот Анисья с ножом в руке уже потрошит рыбу. Рыба навалена большой кучей прямо на земле. Блестящая серая её чешуя блестит на солнце. Улов хороший. Много вкусных, нежных хариусов попалось в сети.

— Ано, бери нож.

У Ано есть свой маленький ножик. Она берёт самого большого светлого хариуса и острым концом вспарывает ему брюшко.

— Молодец, Ано! Хорошая будешь хозяйка.

Целый ларь рыбы начищен и засолен. Анисья устала, но зато зимой будет чем полакомиться.

* * *

Сумерки спустились сразу.

В тундре всегда темнеет сразу. Сейчас светло — день. И вдруг сразу темнеет, темнеет и — ночь.

— Ано, Ано, иди в чум, надо спать. Завтра

С громким лаем влетает на горку Нацу. Приехали!

чуть свет вставать: будем снимать чум, едем дальше.

Анисья зовёт Ано. Но Ано не слышит. Она слышит другое. Она слышит звон бубенцов. Петя гонит на ночь оленей к чуму.

Олени идут медленно, важно качая ветвистыми рогами. Чем больше отростков на рогах, тем старше олень. Некоторые останавливаются, наклоняют голову и начинают чесать рога о ветви берёзок или просто о землю. Сейчас осень, а осенью у оленей сходит нежная шерсть с рогов. Они становятся крепкие и голые. Зимой рога отвалятся совсем. А весной, когда будет сходить снег, снова начнут расти.

Ано внимательно оглядывает каждого оленя. Она ждёт своего оленка. Он весь коричневый, а нос у него белый. Но его нет. И оленей как будто мало. Ано бежит навстречу Петру:

— Петя, Петя, где потерял моего оленка?

Но Петя молчит. Он бледен и серьёзен. Он сырывает с нарты. Идёт прямо в чум, не распрягая.

Вот из чума быстро вышел отец. На ходу перетягивает он пояс. За ним Петя. И Анисья тоже вышла, молча взяла Ано за руку и повела в чум.

— Спи,— сказала Анисья.

— Куда уехали отец и Петя?

— Искать оленков.

— Где потерял моего оленка Петя?

— Волки распугали оленков и угнали половину стада. Спи.

Ано больше ничего не спрашивает. Волки—это очень страшно. Бедные оленки!

Анисья надела малицу, пимы, взяла фонарь и вышла из чума. Она вышла посмотреть и сосчитать тех оленков, которых пригнал Петя. Ано осталась одна. Маленькая лампочка тускло освещает внутренность чума. На железной печурке ещё дымится мясо. На низеньком столике стоит плошка, из которой ел отец, лежит лепёшка.

Анисья расстелила на ночь шкуры оленей. Ано сняла малицу. Стащила пимы, аккуратно положила около тёплой печки, но не очень близко, чтобы не пересохла кожа, так учила Анисья. Потом залезла под оленью шкуру. Прислушалась.

Начинался ураган. Ветер шумел, запутываясь в бересте, которая покрывала чум, свистел в трубе, врывался в чум из-под полога, висевшего вместо дверей, и заставлял мигать маленький язычок пламени в лампочке.

— Анисья,— позвала Ано.

Ей не было страшно. Она привыкла к ветру тундры, но ей хотелось, чтобы Анисья пришла скорее обратно и легла около неё. Пусть отец и

Петя управляютя с оленками. Они мужчины, это их дело — гонять, ловить и считать оленей.

Ано заснула.

Она спит и не слышит, как на ближних озёрах кричат и кричат гуси. Целая стая улетающих на юг гусей остановилась здесь на ночлег. Она не слышит, как Анисья говорит:

— Гуси улетают, скоро станут реки, замерзнет тундра. Будет зима.

Ано спит.

Поздно ночью, уставшие и замёрзшие, вернулись отец и Петя. Они пригнали оленей, которые, испугавшись волков, убежали далеко, далеко.

* * *

Чуть свет проснулась Анисья, вскипятила чай, сварила мясо. Разбудила Ано и мужчин.

Ано слышит, как говорит отец:

— Если выехать рано утром и ехать целый день до ночи, то на второй день как раз к сроку можно приехать.

Ано знает, что они едут к совхозу с колхозными оленями, и она радуется: можно заехать в школу, проведать братьев Васю и Ивана, которые уехали туда ещё месяц назад с другими ребятами.

Ано очень хочет повидать братьев. Хочет она увидеть и школу. Все ребята из тундры едут учиться в школу около совхоза. И живут там много месяцев. Потом приедут отдыхать. Отдохнут, потом опять поедут учиться. Петя учился два года в школе, потом стал работать в колхозе. И всегда рассказывает о школе, о Сталине, который велит учиться всем ребятам, о больших городах.

А Анисья не училась в школе: умерла мать, и некому стало хозяйничать. Зато Ано обязательно будет учиться и Анисью потом научит.

— Пора, — говорит Анисья. — Перезд долгий, работы много.

Отец вышел из чума. За ним выбежала Ано.

— Вот так раз! — Ано зажмурилась: вчера тундра была зелёная, голубая, а сегодня она белая и розовая.

Всё пространство, которое может охватить глаз, покрыто снегом. Только лужицы тёмными пятнами выделяются кое-где. Да берёзки высовывают свои коричневые веточки. Солнце светит ярко, снег кажется розовым и искрится множеством блестящих точек.

Отец покачал головой:

— Подморозило. Чум снимать нельзя: замёрзла береста, может сломаться.

Ано знает, как это важно. Летом чум в тундре покрывают не оленьими шкурами, как зимой, а корой берёзы. Кору привозят издалека, из лесотундровой полосы, и очень её берегут. Эту кору

сшивают вместе в большие полотнища, и она служит надёжной защитой от дождей и ветра.

— Придётся задержаться, Анисья. — сказал отец. — Будем разводить костёр, отогревать чум.

* * *

Ано хлопочет больше всех. Она собирает кастрюльки, ложки, ложки... Анисья увязывает оленьи шкуры, служившие постелями, и подушки, делает из них большие тюки и грузит на нарту. В чуме сразу становится просторно и пусто.

— Ано, ты всю посуду убрала?

— Всю, всю, Анисья.

Анисья тем временем уже разобрала железную печку. Вынесла трубы.

— Ну вот, чум совсем пустой. Теперь, Петя, носи дрова, — распоряжается Анисья и начинает разводить большой костёр.

Высокое пламя поднялось почти в рост человека. В пустом чуме стало жарко, и береста оттаяла. Её можно снять, скатать в большую трубку и аккуратно уложить на нарты.

Теперь остались только шесты, скреплённые наверху, — голый остов дома, где живёт Ано. Отец вынимает шест за шестом и тоже укладывает их на нарту.

— Петя, запрягай, — говорит отец.

— Петя, скорее запрягай! — повторяет Ано.

Анисья помогает Пете, и через несколько минут всё готово.

Весь дом — с полом, крышей, стенами, печкой — погружён на семь нарт. Восьмая нарта отца, а ещё две — для Анисьи с Ано и для Пети.

И вот, наконец, тронулись.

Впереди всех Петя на своей нарте гонит стадо оленей. За ним отец. К его нарте верёвками привязана следующая упряжка оленей, за ней ещё одна, ещё и ещё. Все пять нарт связаны между собой, и получается один поезд. Дальше во главе такого же поезда из четырёх нарт едут Анисья и Ано. Анисья ловко управляет хореом.

— Эй-й-о! — прищёлкивает она языком, и олени слушаются её так же, как и мужчин.

Анисья закутала маленькую Ано в оленьи шкуры, и только её чёрненькие глазки весело выглядывают из пушистого меха.

Солнце поднялось высоко и начало подогрывать. Первый, лёгкий снежок тает, и снова проглядывают из зелёного мха мокрые полубые ягоды да бесконечное количество грибов с красными шляпками на толстой белой ножке. Это подосиновики, самый лакомый корм для оленя. «Но их нельзя трогать руками. — говорит отец, — если олень почувствует, что до гриба дотрагивался человек, то есть его ни за что не будет».

Ано видит стаи белых куропаток. Они притаились в снегу среди кустиков. Куропатки не пу-

гаются, даже если проезжаешь совсем близко. Их очень легко ловить, и Петя часто приносит к обеду куропаток.

Нарты подъезжают к реке. Это река Большая Светлая. Надо переезжать на ту сторону. В тундре мостов нет. Но отец Ано знает всё. Он знает тундру так же хорошо, как свой чум. Он говорит, что у Малых ворот реки есть брод.

Отвесные скалы, чёрные, как ночь, поднимаются узким проходом по обеим сторонам реки. Они, и правда, похожи на ворота. Отец делает здесь остановку. Он говорит: «Пусть Ано побегает по берегу. Тут есть красивые камни — пусть позабавится».

Ано не надо просить второй раз. Ей уже надоело ехать так долго. Она с удовольствием разомнёт ноги и поищет хорошие камушки.

— Анисья, Анисья! — кричит Ано. — Посмотри, что я нашла!

Ано присела на корточки у самого подножья каменной стены. В чёрном камне сверкают нежные сиреневые, прозрачные, как вода, камни. Их много, они тесно прижаты друг к другу.

Ано протянула ручку, дотронулась — и вдруг камни выскочили из своего гнезда и рассыпались около её ног.

— Анисья, иди скорей! Что это?

Анисья тоже не знает, она ведь не училась. Надо позвать Петю. Но и Петя не знает, как называются красивые камни:

— Мы ещё не учили про это!

— Тогда надо спросить отца, — говорит Анисья.

Петя пожимает плечами:

— Отец тоже не знает. Он ведь не учился в школе.

Отец подошёл, улыбнулся. Нет, он знает. Он не учился в школе, но он прожил долгую жизнь, и жизнь научила его. В тундру однажды приезжали учёные люди — они назывались «экспедиция». Учёные записывали что-то в свои тетради. Они говорили: богата тундра и камнями, и зверями, и рыбой. Чёрный камень называли они базальтом и говорили, что это застывшая лава.

— А вот это, — отец показал на то место, откуда выпали камни, — остатки старой жилы горного хрусталя. А сиреневые камни называются «аметисты»...

Всё знает отец в тундре.

— Я тоже всё буду знать, — говорит Петя. — Вот вырасту совсем, пойду в Красную Армию и всему научусь.

Быстро растёт дом...

— Правильно, — говорит отец, — ты будешь знать больше меня. Мне не пришлось быть в Красной Армии.

Они едут снова. Теперь идёт пойма. Это — физкое место около реки. Пойма местами так густо заросла ивняком, что олени еле продираются сквозь заросли, и ветки больно хлещут по лицу.

Типе бегут олени: за день они проделали длинный путь, устали.

Голова Ано склонилась на грудь Анисьи. Ано дремлет, покачиваясь на нартах.

* * *

Ано вздрогнула и открыла глаза. Олени стояли. Стемнело. Наверно, была ночь, но по небу, сверкая, дрожа и разливая мягкий свет, разбегались блестящие ленты.

Ано много раз видела, как «горит небо», но каждый раз не могла оторвать изумлённых глаз от высокого мягкого и холодного огня. Она стоит и долго смотрит, закинув голову, как будто навсегда хочет запомнить удивительную красоту.

Анисья, Петя и отец торопятся при свете северного сияния поставить чум. В дороге задержались, а ночи теперь тёмные.

И быстро растёт дом. Уже лежат на земле доски — пол. Стоит печка. Вот и колья, скреплённые наверху, стоят шалашом. Вот уже поверх кольев лежит береста. Вот Анисья прикрепляет полог над входным отверстием, вносит шкуры оленей. Значит, пора Ано идти в чум. Значит, сейчас будет тепло и ужин.

ИДЕИ, за которые я сражался

Герой Советского Союза
гвардии старшина
Иван Самохин

Когда в прошлый раз проходили выборы в Верховный Совет, мне было 12 лет. Я учился в школе в своей родной деревне Коростышево, Боровичского района, Московской области. А в пионерском отряде был звеньевым. Помню, мы рисовали плакаты для избирательных участков, выступали со своей самодеятельностью на вечерах и собраниях избирателей.

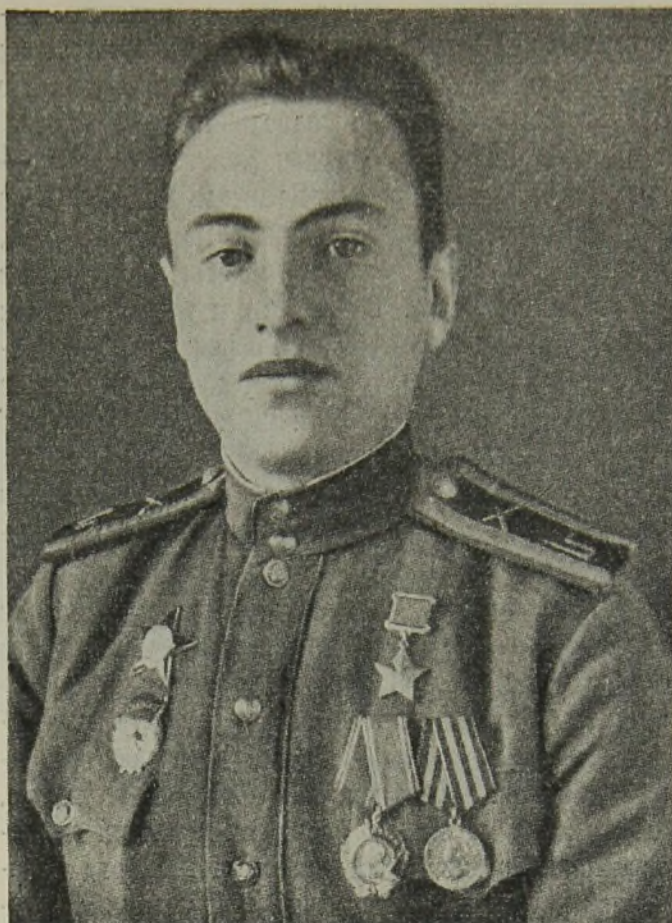
В день выборов мы шли по селу с песнями и несли плакаты: «Выберем в Верховный Совет лучших сынов нашей родины!», «Да здравствует Сталинская Конституция!»

О Конституции я тогда имел ещё очень смутное представление. Знал, что Конституция—это главный закон, что, по Конституции, высшим органом власти является Верховный Совет и что каждый трудящийся, которому исполнилось восемнадцать лет, имеет право выбирать.

Изучать Конституцию мы стали позже, в сельском классе. Учитель подробно рассказывал нам, как устроено советское государство, какие великие права даны каждому гражданину, рассказывал и о наших обязанностях перед родиной. Только, если по совести говорить, тогда перечисление этих прав особенного впечатления на нас не произвело. Ведь мы привыкли к тому, что каждый у нас может свободно трудиться, имеет право на образование, что для отдыха у нас есть клубы, кинотеатры, спортивные площадки. Нам даже представить себе трудно было, что может быть какая-либо иная жизнь, кроме привычной, свободной и радостной советской жизни.

По-настоящему оценил я Сталинскую Конституцию и права, которые она даёт народу, двумя годами позже, когда ворвались на советскую землю немцы, дошли до нашего села и хоть на короткий срок, всего на три месяца, познакомились мы с немецкими «порядками».

Разбойничали у нас немцы так, как и в других сёлах. Но одно дело — читать да слушать рассказы, а другое — видеть всё это своими глазами. Отец у меня тогда был болен. Что-то у него с позвоночником приключилось. Лежал он одетый в нетопленной избе и не мог встать с кровати. Когда немцы ворвались в избу, они первым делом стали стаскивать с больного сапоги. Отец

Герой Советского Союза Иван Самохин,

кричит, ему и повернуться больно, а они, звери, тащат и гогочут. Семидесятилетнего старика Фёдора Абрамова немцы поймали на улице, раздели и разули.

Меня немцы заставили воду для лошадей носить. А колодец далеко, на другом конце села. Я таскал, таскал, утомился, набрал воду из речки и принёс. Немец заметил, что вода мутная, ударил меня кулаком, сшиб с ног и давай стегать шомполом. Избил он меня до полусмерти, потом бросил в сарай и запер. Три дня пролежал я в холодном сарае. А когда пришёл в себя, проломил крышу и удрал в соседнее село. Там я просидел, пока эта часть не ушла из нашего села.

Вернулся домой, а сады у нас порублены, все ульи перевёрнуты, побиты, скот фрицы угнали.

Ни на минуту не сомневались мы, что придёт Красная Армия, прогонит немцев. Жадно читали листовки — «Вести с советской родины», которые разбрасывали наши самолёты.

Мой дядя был председателем колхоза. Перед приходом немцев он отдал мне колхозные дела: печать, акт на вечное пользование землёй, личные счета колхозников. Всё это я сохранил, а когда вернулся наши, передал колхозу.

Вскоре после освобождения пришла и для меня пора идти в Красную Армию защищать советскую родину.

Определили меня в полковую артиллерию, наводчиком к 76-миллиметровой пушке. А полковая артиллерия — дело известное: двигаться вместе с пехотой и бить прямой наводкой.

Первую награду — орден Красной звезды — получил я за форсирование реки Немана. Наш расчёт сколотил тогда плотики из пяти брёвен, и вместе с первой партией пехоты мы поплыли на западный берег. Вытащили пушку на руках метров на тридцать от берега и повели огонь прямо с хода, не окопавшись, чтобы не дать немцам опомниться. В эту ночь наш полк прогнал их километров на тринадцать.

А звание Героя Советского Союза присвоили мне за те бои, когда наши войска вышли на границу Восточной Пруссии.

Мы готовились наступать, а немцы решили нас опередить, сорвать наступление. Моя пушка стояла тогда на прямой наводке между двумя рощами. По роще, что слева, проходила шоссе-ная дорога, оттуда слышался шум моторов немецких танков. Перед тем как выпустить танки, немцы дали по нашим позициям сильный артиллерийский огонь. Один вражеский снаряд разорвался в трёх метрах от пушки. Я поднялся ослеплённый, осыпанный землёй. Смотрю, больше никто не поднимается: замковый убит; заряжающий, правый и ящичный убиты; командир орудия лежит у станины смертельно раненый, истекает кровью. И остался я у пушки один.

А немецкие танки уже вышли из леса и разделились на две группы: десять танков пошли на рощицу, что справа от меня — из этой рощи били наши самоходки, — а четыре повернули в мою сторону. За танками шли два бронетранспортёра. Я развернул орудие, подтащил поближе два ящика со снарядами и приготовился к стрельбе. Стрелять начал, когда передний танк был от меня за триста метров. Третьим снарядом я подбил его, но и себя обнаружил. Кругом стали рваться снаряды. Осколки стучали по щиту, по стволу орудия. У меня сорвало пилотку, пробило осколком скатку. От множества взрывов пушка так ходила и ходила, а я не переставал стрелять. Поймаю танк в перекрестие и дёргаю за шнур. Заряжу, поймаю и опять дёргаю. Так удалось мне подбить ещё два танка. Но четвёртый попал прямо в мою пушку. Снесло половину щита, осколками разбило панораму. Я перестал стрелять. А танк прёт прямо на меня, хочет раздавить гусеницами. Я навёл орудие без приборов, прямо через ствол, зарядил и, когда танк был от меня в тридцати метрах, выстрелил. Выстрел был удачный. Снаряд попал точно под основание башни, туда, где она к корпусу прикрепляется. Башню

так и сорвало. Ни один фриц из танка не вышел.

Только покончив с танками, заметил я, что и бронетранспортёры ведут по мне огонь. Их маленькие пушечки таякали непрерывно. Строчили пулемёты. Но, видно, фрицы нервничали, потому что снаряды пролетали мимо, а пулемётные очереди только срезали ветки на деревьях.

Пришлось потратить ещё двенадцать снарядов, чтобы покончить с бронетранспортёрами. Тогда я перенёс огонь на немецкую пехоту, выходящую из леса. В этом бою я уничтожил четыре танка, два бронетранспортёра и сорок два немецких солдата.

* * *

Теперь я учусь в военном училище. Вновь изучаю Конституцию. Но совсем по-другому читаю я каждое слово, каждую строчку. Теперь мне эта маленькая книжечка особенно дорога. Ведь в ней записаны те права, которые немцы хотели у нас отобрать, в ней изложены те идеи, за которые я сражался, за торжество которых сложили головы мои товарищи.

Я читаю первую статью Конституции: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян», — и мне представляется вся наша необъятная страна, от Кенигсберга до Курильских островов. И всюду, в какой бы уголок мы ни заглянули, рабочие и крестьяне дружно, по единому плану, трудятся на общее благо.

Кто же направляет труд десятков миллионов свободных тружеников? Кто управляет нашим великим государством? Сами трудящиеся. «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». Мы сами выбираем эту власть — вот как сейчас выбираем самый высший её орган — Верховный Совет Союза ССР.

С особым вниманием и я и мои товарищи изучаем X главу Сталинской Конституции, где изложены основные права и обязанности граждан. С гордостью думаем мы о том, что статью 133 Конституции, в которой говорится: «Защита отечества — есть священный долг каждого гражданина СССР», — мы выполнили с честью.

Вместе с миллионами воинов Красной Армии и тружениками тыла отстаивал я в жестоких боях право жить свободно, разумно, культурно, так, как обязывает нас жить Сталинская Конституция. И своим депутатам мне хочется дать наказ, чтобы управляли они страной, строго руководствуясь Конституцией, чтобы всеми силами помогали они нашему любимому Сталину, — чтобы наша советская родина стала ещё более могучей и счастливой.

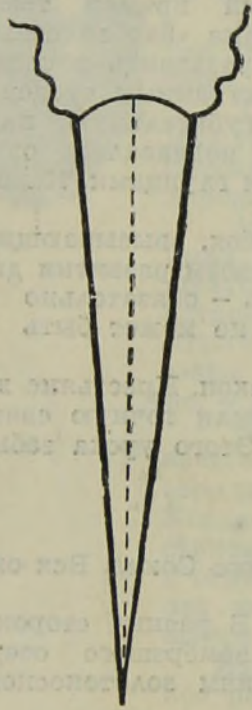

Маскарадные костюмы

Е. Фрадкина

Как сделать маскарадный костюм? Сделать самому и из материала, который есть под рукой,—марли, картона, бумаги?

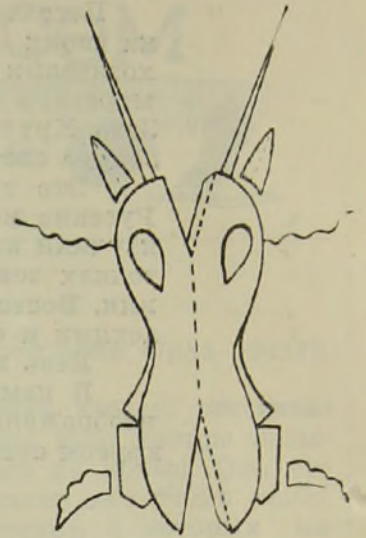
Не появиться ли мальчику на ёлке в школе или в доме пионеров в костюме аиста? Это занятно, да и легко сделать. Белую майку и белые трусы достать нетрудно. На голову можно надеть чулок, прорезав в нём рот и глаза, а клюв вырезать из картона по прилагаемой выкройке, он будет хорошо держаться на резинке. Крылья и хвост делаются очень просто: они тоже вырезаются из картона, раскрашиваются или обклеиваются бе-

лой бумагой и прикрепляются тоже резинками к рукам и талии. Если вдобавок ко всему этому надеть красные чулки (ведь у аиста ноги красные), выйдет чудесный костюм. А какие смешные позы можно принимать, изображая длинноногого, важного аиста!

Девочке, если она немножко умеет танцевать, хорошо одеться козой-балериной. Сложнее всего тут сделать маску, но если постараться, то она непременно выйдет. Рассмотрите внимательно выкройку, вырежьте маску из плотной бумаги и примерьте, удобна ли она, хорошо ли держится на голове. Сарафан, конечно, найдётся у каждой девочки, а под него наденьте белую кофточку, нашив на неё оборочки из марли, только оборочки эти надо нарезать бахромкой, чтобы они напоминали шерсть козы. На руки хорошо сделать из чулок длинные белые перчатки и наклеить на концах картонные копытца — вот и получатся у вас козьи ножки.

А ещё можно одеться ёлкой. Сшить из зелёной марли платье всё в оборках, которые книзу должны быть всё шире и шире. Затем расукрасить девочку-ёлку бумажными цепями, бусами, хлопущками, ну, словом, всеми ёлочными украшениями, а на голове, на зелёной шапочке, укрепить блестящую звезду.

Ну, а кота сделать проще простого. На голову надевается чулок, в котором прорезаны длинные кошачьи глаза. К чулку прикрепляются бумажные ушки и длинные усы. Если вы хотите превратиться в белого кота, нашейте на белую майку белые рюшки, а если вам больше нравится серый или рыжий, то ведь марлю нетрудно покрасить. Не забудьте сделать варежки-лапки, тоже обшитые рюшками, и хвост. Хвост этот можно подвесить на ленте к локтю, тогда кот будет выглядеть совсем весельчаком и щёголем.

Интересно, какой из четырёх костюмов нравится вам больше всего, в каком из них вы пойдёте на маскарад? Напишите нам об этом, бята.

СОДЕРЖАНИЕ

Маленькая Ано живёт в тундре. — Анна Добринская. Рис. Ю. Кислячи	1 стр.	Об изобретательском счастье. — Владимир Орлов. Рис. В. Цельмера	18 стр.
Идеи, за которые я сражался. — Герой Советского Союза гвардии старшина Иван Самохин	5 "	Корейские сказки. — Гарин-Михайловский. Рис. В. Федяевской	22 "
Полёт в Японию. — Николай Богданов. Фото Н. Петрова	7 "	О смелости, ловкости и воле к победе. — Заслуженный мастер спорта Н. Озолин	25 "
Четвёртая высота. — Окончание. Елена Ильина. Рис. Евг. Эндриксон	10 "	Занимательная лаборатория. — В. Орлов. Рис. А. Брея	29 "
Наш город — Москва. — Фотографии В. Мальберг	15 "	Отовсюду и обо всем	30 "
		Маскарадные костюмы. — Е. Фрадкина	32 "
		Почтовый ящик	III п. обл

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Н. Жукова „На лыжах“.

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

Подписано к печати 5/II—46 года.

Изд. № 134.

А—01930.

82×110.

1/16 бум. листа.

76 999 печ. зн. в печ. листе.

2 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 29.500 экз.

Зак. 2520.